

Социологическое исследование событийности детства: доказательный подход в проектировании программ для детей и молодежи

Губанова А. Ю.¹, Колосова Е. А.², Коняшкина А. С. В.³,
Майорова-Щеглова С. Н.⁴, *

¹Российское общество социологов, Москва, Российская Федерация;

²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация;

³Российская государственная детская библиотека, Москва, Российская Федерация;

⁴Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация; *sheglova_s@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является доказательство возможностей и ограничений исследования событий детства для обоснования практико-ориентированных проектов в области молодежной политики и поддержки детства. В статье описываются основные направления доказательного подхода в прикладных исследованиях. Авторы аргументируют необходимость использования социологических данных о масштабах, специфике различных ситуаций, эпизодах, дебютных событий в детстве для принятия управленческих решений в доказательной государственной политике в сфере детства и молодежи. Проанализированы данные панельных исследований «Событийность детства», реализованных в 2018 и 2023 гг. Из массива 100 значимых событий детства для аргументирования доказательного подхода были отобраны те, которые наиболее актуальны для проектирования различных программ для детей и молодежи (девиантные события детства, приобщение к субкультурным практикам, освоение информационно-коммуникационных технологий, традиционные практики освоения культуры). Выявлено, какие группы детей и подростков являются целевой аудиторией для проектов по профилактике девиации и ассоциальных субкультурных групп, приобщению к чтению, программам цифровой гигиены и др. Определены перспективы развития доказательного подхода: императив применения не только на первичном этапе создания проектов, но и по завершению программ для доказательства результативности, необходимость внедрения исследований в качестве обязательного условия в грантовых программах, изменение приоритетов подбора экспертов.

Ключевые слова: доказательный подход, проект, дети, молодежь, событие детства

Для цитирования: Губанова А. Ю. [и др.]. Социологическое исследование событийности детства: доказательный подход в проектировании программ для детей и молодежи // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 72–83.

The Sociological Study of the Eventfulness of Childhood: an Evidence-Based Design of Programs for Children and Youth

Alexandra Yu. Gubanov¹, Elena A. Kolosova², Anna Sofia V. Konyashkina³, Svetlana N. Mayorova-Scheglova⁴, *

¹Russian Society of Sociologists, Moscow, Russian Federation;

²Russian State University for the Humanities;

³Russian State Children's Library, Moscow, Russian Federation;

⁴Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation; *sheglova_s@yandex.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to prove the possibilities and limitations of studying childhood events to justify practice-oriented projects in the field of youth policy and childhood support. The article describes main directions of the evidence-based approach in applied research. Authors argue the need to use sociological data on the scale, specifics of various situations, episodes, debut events in childhood for making management decisions in evidence-based state policy in the field of childhood and youth. The data of panel studies "Eventfulness of Childhood" implemented in 2018 and 2023 are analyzed. From an array of 100 significant childhood events, those that are most relevant for designing various programs for children and youth (deviant childhood events, introduction to subcultural practices, mastering information and communication technologies, traditional practices of mastering culture) were selected to argue the evidence-based approach. It has been revealed which groups of children and adolescents are the target audience for projects on the prevention of deviation and associative subcultural groups, introduction to reading, digital hygiene programs, etc. The prospects for development of an evidence-based approach have been identified: the imperative of using it not only at the initial stage of creating projects, but also upon completion of programs to prove effectiveness, the need to introduce research as a mandatory condition in grant programs, and a change in the priorities for selecting experts.

Keywords: evidence-based approach, project, children, youth, childhood event

For citing: Gubanov A. [et al.] The Sociological Study of the Eventfulness of Childhood: an Evidence-Based Design of Programs for Children and Youth // Administrative consulting. 2025. N 1. P. 72–83.

Введение

В современных государственных программах, ориентированных на развитие инновационного общества, одной из основных задач является развитие потенциала ювенальных групп (детей, подростков, молодежи). В настоящий момент самыми значимыми являются: Федеральный проект «Развитие системы поддержки молодежи («Молодежь России»»), Десятилетие детства, Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», Российское движение детей и молодежи «Движение Первых». Многочисленные образовательные, воспитательные, социокультурные, профессиональные программы, реализуемые федеральными и региональными органами исполнительной власти, общественными организациями, призваны обеспечить условия гармоничного вхождения молодых людей в институализированную общественную жизнь, развить их навыки и умения. Результаты такого успешного развития могут интерпретироваться как нефинансовые, интеллектуальные инвестиции в человеческий потенциал страны. Обозначенные программы, с одной стороны, стимулируют юных граждан на проявление своих сильных сторон (инициативности, активности, инновационности, включенности в информатизацию и др.), а с другой стороны, предотвращают отклонения от нормативного поведения (демонстративность, стремление к риску, негативизм и отвержение авторитетов) [15].

При этом крайне важным является не количество подобных проектов, а их качество: доказанные возможности решения реальных проблем в молодежной среде. Во многих случаях значимость таких программ как ответа на потребности общества в обучении и воспитании, развитии просоциальной активности молодежи не вызывает сомнения, однако то, что они могут предлагаться без учета современных тенденций изменений детской, подростковой повседневности и детского социального пространства снижают их эффективность.

Аргументации результативности и успешности различных программ и технологий при работе с детьми и молодежью до сих пор уделяется недостаточное внимание, несмотря на достаточную разработанность и обоснованность доказательной социальной политики и в России, и за рубежом [2; 18; 20]. Остается открытым вопрос

о методиках и процедурах эмпирического подтверждения применимости социологических исследований в данной сфере, возможности привлечения к ним ювенальной аудитории, непротиворечивости данной стратегии и иных разделов и практик социальной политики.

Материалы и методы

Выбор новых социально-управленческих технологий возлагается, как правило, на взрослое экспертное сообщество авторитетов, которые при принятии решений ориентируются на субъективную позицию, связанную с полученным образованием, избранной теоретической рамкой, опытом практической работы в специфических ситуациях, личностной приверженностью каким-то сообществам и группам, ангажированностью и связями с лоббированием политических или экономических интересов и др. [9]. Так появляются экспертные заключения о молодежных проектах, которые можно назвать термином, предложенным экономистами социальной сферы, — «неправильно угаданными исходными условиями» [17, с. 102–103]. Доказательный подход предполагает иные стратегии и тактики подготовки консалтинговых предложений и рекомендаций.

Признание данных массовых исследований-экспериментов в качестве аргументов пришло в междисциплинарное поле социально-политических и экономико-управленческих наук из доказательной медицины (evidence-based medicine) в конце прошлого столетия. В медицине эффективность лечения контролировалась в рандомизированном исследовании воздействия лекарств и манипуляций, затем такой же подход стал использоваться с 1995 г. в психотерапии [14].

В демографических исследованиях массовые обследования активно применяются при анализе семейной политики, признан устоявшийся метод количественных замеров государственного воздействия на семью — модель Т. де Сильвы и С. Тенрейро [22]. Российские специалисты-демографы, используя доказательный подход, сформулировали выводы о влиянии государственной семейной политики не вообще на всю семейную сферу, а преимущественно на репродуктивное поведение граждан [4].

Именно благодаря широкой дискуссии о правомерности применения в этих сферах основных понятий доказательного метода, которая проходила в первом десятилетии нашего века, категории результативности и эффективность [12] распространяются на многие сферы общественной жизни, в том числе и на социальное пространство детства, молодежи. Однако в сфере работы с ювенальными группами в образовании и воспитании наблюдается исключительное тяготение к использованию апелляции к авторитетам, историческим традициям научных школ, к устоям, привычкам здравого смысла, к предписываемым требованиям управленческих структур, по сравнению, например, с секторами управления промышленной, банковской сферой, где применяются методы точные, математические [6].

Сущность описанного в статье доказательного подхода на основе исследования событийности детства состоит в процессе аккумуляции данных эмпирических, систематических, междисциплинарных, продуктивных количественных замеров поведенческих действий подрастающего поколения. Эти данные должны перепроверяться через анализ социально-коммуникативных компонентов детских организаций и учреждений (в том числе, социальных сетей, текстов программ, отчетов и пр.), так как именно эти социальные институты являются организаторами программ для молодежи и возможными объектами будущих управленческих решений и финансовой поддержки. В процессе применения доказательного подхода обосновываются осознанные, целенаправленные действия в отношении ювенальной группы детей, подростков и юношества.

Мы предполагаем, что основой верификации программ и технологий могут служить массовые автобиографические исследования молодежной группы.

Для подтверждения данного тезиса обратимся к результатам двух волн исследования «Событийность детства», проведенных временным научно-исследовательским коллективом исследовательского комитета «Социология детства» Российского общества социологов (РОС) с использованием онлайн-анкеты. Выборка исследования — неслучайная потоковая, ключевые критерии отбора анкет: возраст респондентов (17–23 года); территориальный охват (8 федеральных округов, 22 региона). После ремонта массива математической обработке подвергнуты только полностью заполненные анкеты по 100 основным событиям детства. В 2023 г. было опрошено 1210 человек, в 2018 — 714, данные этого первого этапа используются в статье для выявления тенденций изменений событийности. В детстве респонденты проживали: в городах-миллионниках — 21,9%, в крупных городах (от 200 тыс. до 1 млн жителей) — 23,3%, в небольших городских образованиях (до 200 тыс. жителей) — 30,4%, в сельской местности — 24,4%.

Целью данной статьи выступает выявление возможностей исследования возраста и направленности событий детства для уточнения практико-ориентированных программ в области молодежной, семейной политики и поддержки детства. Для реализации этой цели были выдвинуты исследовательские вопросы, которые предопределили фокус задач: 1) выявление направленности программ для детей и молодежи в сфере профилактики девиантного поведения; 2) определение особенностей работы по распространению ИКТ-навыков в ювенальной среде; 3) установление доказательной базы для проведения социокультурных проектов; 4) определение общих трендов исследования событийности детства в доказательной практике социального проектирования.

Результаты

Исходя из поставленных задач на базе анализа полученных данных представим основания для типологии социальных практик в сфере девиаций в детской среде в контексте возрастного и гендерного фокуса.

Как можно увидеть из таблицы, именно подростковый возраст является периодом экспериментов в сфере асоциального поведения. Проводить профилактические проекты и программы необходимо с учетом различий в возрасте дебютов у юношей и девушек, а именно для первой группы раньше. Сравнение данных двух волн исследования дает возможность утверждать, что по некоторым аспектам сегодня наблюдается более позднее освоение практик (курение и распитие алкоголя), вероятно в связи с общей, отмечаемой другими авторами, тенденцией на здоровый образ жизни в молодежной среде [5]. Однако вызывают опасение масштабы включения девушек в девиацию, которая прежде считалась «прерогативой» мужской группы, так, например, драки стали «обычным» методом разрешения конфликтов в детской аудитории обоих полов.

Для молодежных групп характерны практики декорирования тела и механических модификаций (татуирование и пирсинг). При этом особое значение имеет та социальная среда, в которой эти практики приветствуются, нормируются, например, в субкультурных сообществах, где идентичность с группой может определяться наличием определенных внешних символов/знаков на теле. По данным исследования, количество тех, кто совершает манипуляции с телом в детском возрасте, уже около 1/4 части (24% респондентов 2023 г. до 18 лет сделали себе пирсинг, 17% — тату). В основном адепты таких манипуляций сосредоточены в больших городах (сельские жители на год позже производят некоторые подобные манипуляции с телом) и среди детей из семей с высоким материально-экономическим положением.

**Средний возраст девиантных событий детства
(сравнение по полу, данные исследований 2018 и 2023 гг.)**
The average age (in years) of deviant childhood events (comparison between
the 2018 and 2023 studies)

События детства	Юноши, лет		Девушки, лет	
	2018	2023	2018	2023
Участвовали в драке	9,4	9,9	11,2	10,7
Начали ругаться матом	–	10,3	–	12
Попробовали курить	12,3	13,5	13,4	14,6
Употребляли спиртное	12,7	14,2	13,8	14,3
Принимали участие в вечеринке без взрослых	13,7	14,3	14,2	14,6
Были ночные прогулки с друзьями, любимыми	14,9	15,3	15,7	15,7
Был первый сексуальный опыт	15,5	15,5	16,6	16,5

Источник: авторский архив данных.

Первый пирсинг в среднем появляется в 14,5 лет, а первая татуировка в 16,1. По нашим данным, оба эти события происходят у девочек гораздо позже, чем у мальчиков, что может говорить о том, что они более осознанны в выборе того, что наносить на свое тело (пирсинг — средний возраст 14,7 лет у девочек, 12,6 — у мальчиков, татуировки — 16,4 лет у девочек, в 15 лет — у мальчиков). Сравнение по двум этапам позволяет утверждать, что эта мода захватывает в большей степени мужскую аудиторию (у мальчиков рискованные практики получают все большее распространение уже с 12,5 лет). А значит, можно считать доказанной необходимость проведения соответствующих профилактических программ именно в этом возрасте, но, при этом, в обеих половых группах.

Один из острых сегодня вопросов — какие специальные программы по освоению информационно-коммуникационных технологий нужны детям? В школе в рамках уроков информатики детям объясняются базовые правила использования компьютеров, даже дошкольники, посещающие детские сады, нередко также вовлечены в различного рода виртуальную проектную деятельность со своими воспитателями.

Данные нашего исследования в целом показали, что в интернет-событийности наблюдается тенденция к снижению среднего возраста начала использования мобильных устройств: поиск в Интернете, появление собственного аккаунта и первых друзей, ведение блогов, первый опыт прохождения онлайн-тестирований случались в жизни опрошенных в 2023 г. раньше, чем у респондентов 2018 г. Но стационарные компьютеры у опрошенных стали появляться позже. В целом результаты исследования событийности 2023 г. не подтверждают идеи о все более раннем начале массового использования информационных технологий детьми. Все события, связанные с ИКТ, по-прежнему начинались в школьном возрасте — самое «раннее» событие (появление мобильного телефона) происходило у респондентов 2023 г. в 8,7 лет (средний возраст), самое «позднее» (учеба на онлайн-курсах) — в 15,7 лет.

Нужно ли еще большее погружение детей в интернет-среду? Наше мнение как экспертов в области социологии детства — в этом нет необходимости. Данные исследований других авторов говорят о том, что родители сами дают детям различные мобильные устройства с доступом в Интернет уже с 2–3 лет, таким образом, на наш взгляд, работу следует вести с родителями, а не с детьми [10; 16]. Именно в семье происходит первичная цифровая социализация ребенка, усвоение норм

и правил поведения, т. е. родители учат детей пользоваться различными гаджетами, и показывают пример, как положительный, так и негативный. Проекты по безопасному использованию Интернета должны быть направлены, на наш взгляд, в первую очередь, на родителей детей дошкольного и младшего школьного возраста. Если говорить о программах по цифровой гигиене для детей, то такие могут быть направлены на младших подростков, с 10–11 лет, поскольку в этот период они начинают активно пользоваться Интернетом, мессенджерами и им будет полезно узнавать о новых рисках и способах защиты от них.

В последние годы возрастает роль интернет-проектов, ориентированных на детско-подростковую аудиторию: организуются конкурсы, лектории, обучающие семинары и мастер-классы, проводятся групповые и индивидуальные занятия. Однако, на наш взгляд, такого рода виртуальные совместные проекты желательно организовывать для подростков не младше 14 лет и только в том случае, если проведение мероприятия невозможно в очном формате по объективным причинам (например, географическая удаленность участников).

В этом возрасте у подростков появляются первые интернет-друзья, они могут официально зарегистрироваться в социальных сетях (в ВК ограничение с 14 лет), у них уже есть возможности полноценного включения в проект и определенный опыт, в том числе, столкновения и избегания интернет-рисков. Важно отметить, что по результатам исследования более трети респондентов (34%) заявили о том, что до 18 лет у них не появилось интернет-друзей. Это может говорить о том, что именно в детско-подростковой аудитории нет необходимости форсировать замену реальных дружбы и взаимодействий со сверстниками на виртуальные.

В возрасте 14,6 лет (в среднем) у подростков происходил опыт первой онлайн-покупки, лишь 6% сказали, что у них такого опыта не было до 18 лет, а самый ранний возраст такой практики у современной молодежи был в 5 лет. Тем не менее в настоящее время сложно обозначить четко возрастные границы для начала образовательных проектов по финансовой онлайн-грамотности. Базовые знания по финансовой грамотности могут внедряться и с 1-го класса, но если говорить о каких-то серьезных, самостоятельных курсах, то их начинать стоит со средней школы, с 11–12 лет. Именно в школе у детей возникает целенаправленная потребность в онлайн-использовании карманных денег, например, при оплате еды в школе, покупке сладостей и перекусов, при онлайн-играх и пр. Источниками виртуальных денег являются близкие родственники, и опять мы склонны вернуться к идее работы с родителями и прародителями: именно они являются самыми первыми, самыми важными трансляторами правил поведения и в потребительской сфере.

Перейдем к рассмотрению использования доказательной направленности проектов в социокультурной сфере. Многие ранние события в девиантной плоскости оказались тесно взаимосвязаны с интересом к участию в неформальных субкультурных сообществах (сексуальный дебют, татуирование). Начало вступления в различные неформальные сообщества в среднем среди мальчиков и девочек — 13,5 лет, т. е. гендерной специфики нет. Примыкание к неформальному субкультурному сообществу в реальной жизни или в Интернете зависит от материально-экономического положения семьи, в семьях с низким материально-экономическим положением зафиксирован более ранний возраст вступления в неформальное сообщество (средний возраст 13,2 лет в сравнении с 13,9 у респондентов из семей с высоким материально-экономическим положением). Также прослеживается зависимость от места проживания в детстве, чем больше населенный пункт, тем раньше дети стремились к такой деятельности (город-миллионник — 12,9 лет, сельская местность — 14,1).

Одновременно с этим в качестве связанных практик мы зафиксировали коллекционирование (вероятно, особых атрибутов: значков, карточек, персонажей в играх и т. п.) и появление кумиров. У 60% респондентов нашего исследования в детстве

появился кумир, средний возраст — 12,9 лет. Исследования (и зарубежные и российские) показывают, что в пятерку лидеров вошли исключительно видеоблогеры, YouTube-знаменитости [1]. Феномен фанатства и подражания кумиру, как и прежде, является специфической особенностью подростковой аудитории.

Программы с детьми и молодежью, касающиеся субкультурных аспектов (профилактики асоциальных проявлений, переориентацию на просоциальность), имеет смысл разрабатывать для городской аудитории. Проекты по поддержке позитивного коллекционирования, как культурной практики свободной самореализации личности современного младшего школьника, — с 7–8 лет. Для продвижения определенных идей в среде подростков (не только культуры, но и, например, ЗОЖ, профориентирование) стоит привлекать иных кумиров, не только медийных персон, которые могут позитивно влиять на мнение подрастающего поколения для аудитории 12–13 лет, например, спортсменов, успешных предпринимателей, лидеров IT-сферы.

Еще один актуальный ракурс связан с включением специальных программ и проектов по привлечению к чтению и посещению библиотек, поскольку практики освоения культуры играют важную роль в сохранении наследия сообщества, формировании чувства принадлежности к той или иной социальной группе и передаче знаний от одного поколения к другому [7].

Рассмотрим события, которые относились к так называемым традиционным практикам освоения культуры. Средний возраст научения самостоятельному чтению составляет 5 лет (минимальный — 3 года), средний возраст начала посещения библиотеки составил 8,5 лет.

Место проживания влияет на средний возраст, когда ребенок научился читать. Позже эту практику осваивают дети, проживающие в сельской местности и в небольших городах, а раньше других, дети, проживающие в городах-миллионниках (5,5 лет в сельской местности, 4,9 лет в городах-миллионниках). При этом посещение библиотек происходит в среднем с небольшой разницей менее полугода у жителей разных типов населенных пунктов (8,2 лет в сельской местности, 8,6 лет — в городах-миллионниках).

Состав семьи также играет роль в освоении данных практик, так в нуклеарных полных семьях дети начинают читать в 6 лет, тогда как в семьях, где есть братья и сестры, почти на год раньше, в 5,2 года.

В зависимости от типа семьи фиксируются отличия в посещении библиотек, в семьях с двумя родителями, где есть другие дети, а также бабушки и дедушки посещение библиотек в среднем начинается с 8,4 и 8,5 лет соответственно. В семьях, где ребенка воспитывает один родитель, посещение библиотек начинается позже, с 8,9 лет.

В 2018 г. 97,6% респондентов ответили, что начали посещать библиотеку в детстве. 77,5% впервые попали в библиотеку в возрасте от 3 до 11 лет (т.е. в дошкольном и младшем школьном возрасте).

В 2023 г. также абсолютное большинство респондентов ответили, что начали посещать библиотеку в детстве (97%). Но за 5 лет увеличилось до 84,6% доля респондентов, впервые попавших в библиотеку в возрасте от 3 до 11 лет (т.е. в дошкольном и младшем школьном возрасте). Таким образом, вероятно, актуальны программы по привлечению в библиотеки младших подростков, начиная с 12 лет. Также можно считать доказанным, как важна специальная работа по приобщению к чтению детей из сельской местности, в том числе для того, чтобы поднять общекультурный уровень населения.

Обсуждение

В основу доказательного метода могут быть использованы наравне с экспертизой специалистов-профессионалов и анализом опыта практиков, работающих с юве-

нальными группами и аккумулирующих через непосредственные наблюдения факты о поведении и предпочтениях самих детей и юношества, дополнительные методики изучения детского возрастного периода. Мы показали в основной части статьи, какую обширную информацию можно извлечь из данных социологического изучения событий детского периода жизни о самостоятельности/несамостоятельности, девиантности/нормативности поведения, включения в социокультурные традиционные и инновационные практики и др. Выявляемые в ходе социологических исследований факты рассматриваются как сложные многоуровневые социальные конструкты. Для их включения в доказательные технологии необходимо учитывать, что здесь высока роль нескольких или даже многих факторов (например, семьи, образования, молодежной политики, кадров для работы с этой аудиторией, деструктивного контента и пр.) и поэтому, по мнению, например, А. Эбрахима [19], возникает закономерный вопрос о сложностях оперативного измерения результатов и эффективности такой деятельности. Как показывает наш опыт, возможным шагом для замеров является среднесрочный период в 5 лет.

Уточним возможности применения методики изучения событийности для доказательного проектирования проектов с детско-подростковой аудиторией:

- данный исследовательский инструмент применяется на двух стадиях жизненного цикла доказательной практики: 1) для прояснения проблемы в случае, если речь идет об устоявшихся, масштабных процессах; 2) для фиксации возможных направленных изменений при завершении инновационных и пилотных проектов;
- особое значение методика имеет для раскрытия некоторых аспектов социального риска в ювенальных группах, она позволяет уточнить, сопровождение каких социально-уязвимых для негативных аспектов групп требует особого внимания;
- мы считаем, что возможности проведения методики ограничены при ситуациях кризисов, неопределенности (невыясненности) причинно-следственных связей между деятельностью многих взаимодействующих с субъектами-детьми институций и организаций;
- если говорить о масштабах практик, то данная методика способствует разработке программ на мезоуровне решения проблем отдельных ювенальных групп и семей, имеющих детей.

Ограничения предложенной методики связаны с тем, что все же результаты такой оценки связаны с прошлыми или продолжающимися социальными практиками, но по результатам доказательного подхода планируются управленческие решения, устремленные в будущее [11]. А теоретико-методологические работы современных социологов доказывают, что в детской среде постоянно появляются новые «социальные изобретения» [8], но получить полновесные данные о них ученые могут только к молодежному возрасту.

Выводы

Таким образом, применение доказательного подхода в сфере поддержки детства и молодежи, с одной стороны, является ответом на новые задачи в данных сферах жизнедеятельности, провозглашенные в последние годы, а с другой — поиском реальных инструментов социального управления и прогнозирования на основе участвующего подхода.

Работа над статьей в рамках поставленных задач выявила необходимость формулировки некоторых общеметодологических вопросов доказательной практики поддержки детей и молодежи. Появление, описание и презентация проводимых проектов в среде юного поколения важны, однако до сих пор редко появляются сравнительные замеры результатов и последствий, т. е. сам доказательный подход сосредоточен на первичном этапе аргументации актуальности такой деятельности.

Как справедливо пишут авторы одной из актуальных монографий в отношении психолого-педагогических программ, даже в случае прохождения первичной верификации не ясны пути их дальнейшего развития: как в дальнейшем они применяются, улучшаются самими авторами, происходит ли их дальнейшая трансляция, перевзвешиваются ли в профессиональном сообществе факты на последующих этапах как последствия принятых решений [13, с. 7].

На основе предложенной нами методики изучения событийности детства возможна корректировка воспитательных, образовательных и социальных программ и технологий с точки зрения их соответствия для использования в отношении отдельных групп детей и подростков и установления возрастных рамок их применения. Особенно актуальным этот подход начинает выступать при ситуации отбора на «рынке грантовых социальных идей», где доказательное выявление приоритетов в условиях ограниченного финансирования и временного промежутка подскажет решения, необходимые здесь и сейчас [3].

Вероятно, подход доказательности в сфере работы с детьми и молодежью приведет к снижению значимости опыта некоторых категорий экспертов в данной сфере, как мы полагаем тех, чей опыт связан с академическим знанием, зарубежным опытом, но одновременно повышается «рейтинг» прикладников-исследователей и практиков-знатоков. Сам термин «доказательная практика в сфере поддержки детства» выдвигает на первый план фигуру исследователей социологии детства, использующих апробированный, показавший свою состоятельность инструментарий. Такие специалисты должны постепенно осваивать навыки работы этичной и продуктивной исследовательской работы непосредственно с детской аудиторией, умением использовать треки анализа, валидные для мультипликации в мониторинге, в среднесрочной перспективе.

Литература

1. Абросимова Е. Е., Филипова А. Г. Рейтинг популярных видеоблогеров: взгляд современных подростков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 131–137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/131-137>
2. Галлямова Э. М. Доказательная государственная политика: возможности и ограничения // Социология. 2021. № 2. С. 158–162.
3. Ениколопов Р. С. Доказательная экономика развития: Нобелевская премия по экономике 2019 года. // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 5–17.
4. Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Семейная политика в России: эффективность с позиций доказательного подхода // Terra Economicus. 2021. № 19(3). С. 20–36. <https://doi.org/10.18522/20736606-2021-19-3-20-36>
5. Ковальчук О. В., Лазуренко Н. В., Нифонтова В. А. Здоровьесберегающее поведение студенческой молодежи: факторы формирования и условия сохранения // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2021. № 46(3). С. 461–473. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-3-461-473>
6. Коржув А. В., Антонова Н. Н. Логико-гносеологический формат педагогического познания и доказательная педагогика // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 10. С. 136–145.
7. Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю. Социокультурное воспроизводство поколения через событийность детства. Обсерватория культуры. 2021. Т. 18. № 5. С. 452–466. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-5-452-466>
8. Митрофанова С. Ю. Проявления тенденций глобализации и глокализации в детстве: социальный и индивидуальный уровни анализа [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29SCSK420.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).
9. Михайлова О. В., Батоврина Е. В. Перспективы доказательной политики в России: взгляд с позиций государственных управленцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 123–136. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.202>

10. Николаева Е. И., Исаченкова М. Л. Особенности использования гаджетов детьми до четырех лет по данным их родителей // Комплексные исследования детства. 2022. Т. 4. № 1. С. 32–53. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-1-32-53>
11. Прогнозирование развития воспитательных систем : монография для руководителей и специалистов в области воспитания / Л. Е. Никитина, И. А. Липский, С. Н. Майорова-Щеглова [и др.] ; под общ. ред. Л. Е. Никитиной. М. : АРКТИ, 2009. 160 с.
12. Рыбаковский Л. Л., Хасаев Г. Р., Кожевникова Н. И. Применение понятий «результативность» и «эффективность» в сфере демографии // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2018. № 6(164). С. 38–48.
13. Сорокова М. Г. [и др.] Доказательный подход : Руководство по верификации программ, технологий, практик в образовании и социальной сфере : учеб. пособие; под ред. А. А. Марголиса, М. Г. Сороковой, Г. В. Семья М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 130 с.
14. Цветкова Л. А. Возможности применения принципов доказательного подхода в психологических исследованиях в сфере образования // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5. № 3. С. 313–318.
15. Цинченко Г. М., Орлова И. С. Профилактика молодежных девиаций в России и за рубежом // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 97–105.
16. Цифровая экономика 2022 : краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/552091260.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).
17. Шаститко А. Е. Знания для доказательной экономической политики: спрос и предложение // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 2. С. 99–111.
18. Blum S., Pattyn V. How are evidence and policy conceptualized, and how do they connect? // A qualitative systematic review of public policy literature, Evidence & Policy. 2022. Vol. 18(3). P. 563–582. <https://doi.org/10.1332/174426421X16397411532296>
19. Ebrahim A., Leeds S. G., Clothier J. S., Ward M. A. Endoscopic submucosal dissection of a gastric mass. Baylor University Medical Center Proceedings. 2019. Vol. 32(4). P. 629–630. <https://doi.org/10.1080/08998280.2019.1656006>
20. Gade C. When is it justified to claim that a practice or policy is evidence-based? Reflections on evidence and preferences, Evidence & Policy. 2023. Vol. XX(XX). P. 1–10. <https://doi.org/10.1332/174426421X16905606522863>
21. Tanskanen K. Towards evidence-based management of external resources: Developing design propositions and future research avenues through research synthesis // Research Policy. 2017. Vol. 46. N 6. P. 1087–1105.
22. Tiloka de S., Tenreiro S. Population control policies and fertility convergence // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31(4). P. 205–228.

Об авторах:

Губанова Александра Юрьевна, заместитель председателя по информационному развитию Исследовательского комитета «Социология детства» Российского общества социологов (Москва, Российская Федерация), кандидат социологических наук; alexandra.gubanova@gmail.com

Колосова Елена Андреевна, доцент социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент; the_shmiga@mail.ru

Коняшкина Анна София Владимировна, научный сотрудник отдела социологии, психологии и педагогики детского чтения Российской государственной детской библиотеки (Москва, Российская Федерация); konyashkina@rgdb.ru

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна, профессор кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью факультета «Социальная коммуникация» Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Российская Федерация), доктор социологических наук, профессор; sheglova-s@yandex.ru

References

1. Abrosimova E. E., Filipova A. G. Rating of popular video bloggers: the view of modern teenagers // Oikumena. Regional studies [Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya]. 2022. N 2. P. 131–137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/131-137> (In Russ.)

2. Gallyamova E.M. Evidence-based public policy: opportunities and limitations // *Sociology [Sociologiya]*. 2021. N 2. P. 158–162. (In Russ.)
3. Enikolopov R. S. Evidence based development economics: Nobel Prize in Economic Sciences 2019. // *Economic issues [Voprosy Ekonomiki]*. 2020. N 1. P. 5–17. (In Russ.)
4. Kapoguzov E.A., Chupin R.I. Effectiveness of family policy in Russia: Evidence-based approach // *Terra Economicus*. 2021. N 19(3). P. 20–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/20736606-2021-19-3-20-36>
5. Kovalchuk O.V., Lazurenko N.V., Nifontova V.A. Health-saving Behavior of Students: Factors of Formation and Conditions of Preservation // *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law [NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo]*. 2021. N 46(3). P. 461–473. (In Russ.) <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-3-461-473>
6. Korzhuev A.V., Antonova N.N. Epistemological Format of Pedagogical Science and Evidence-based Pedagogy // *Higher Education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]*. 2018. Vol. 27. N 10. P. 136–145. (In Russ.)
7. Mayorova-Scheglova S.N., Kolosova E.A., Gubanova A. Yu. Socio-Cultural Reproduction of a Generation through the Eventfulness of Childhood. *Observatory of Culture [Observatoriya kul'tury]*. 2021. Vol. 18. N 5. P. 452–466. (In Russ.) <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-5-452-466>
8. Mitrofanova S. Yu. Manifestations of globalization and glocalization trends in childhood: social and individual levels of analysis // *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies [Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya]* [Electronic resource] // *World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2020. N 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29SCSK420.pdf> (date accessed: 15.08.2024) (In Russ.)
9. Mikhailova O.V., Batovrina E.V. Prospects for evidence-based policy in Russia: The public administrators' points of view // *Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]*. 2022. Vol. 15. Is. 2. P. 123–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.202>
10. Nikolaeva E.I., Isachenkova M.L. The use of gadgets by children under four years old: Evidence from parents // *Comprehensive Child Studies [Kompleksnye issledovaniya detstva]*. 2022. Vol. 4. N 1. P. 32–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-1-32-53>
11. Forecasting the development of educational systems : Monograph: For managers and specialists in the field of education / L. E. Nikitina, I. A. Lipsky, S. N. Mayorova-Scheglova [et al.]; under the general ed. of L. E. Nikitina. Moscow : ARCTI [ARKTI], 2009. P. 160. (In Russ.)
12. Rybakovsky L. L., Khasaev G. R., Kozhevnikova N. I. Application of the concepts of “performance” and “efficiency” in the sphere of demography // *Vestnik of Samara State University of Economics [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]*. 2018. N 6(164). P. 38–48. (In Russ.)
13. Sorokova M. G., Ulyanina O. A., Semya G. V., Leonova O. I. [et al.] Evidence-based approach: Guide to verification of programs, technologies, practices in education and the social sphere: a tutorial; edited by A. A. Margolis, M. G. Sorokova, G. V. Semya. M. : MSUPE [FGBOU VO MGPPU], 2024. 130 p. (In Russ.)
14. Tsvetkova L. A. Evidence-based approach in psychological research in education // *Human Psychology in Education [Psihologiya cheloveka v obrazovanii]*. 2023. Vol. 5. N 3. P. 313–318. (In Russ.)
15. Tsinchenko G. M., Orlova I. S. Prevention of Youth Deviations in Russia and Abroad // *Management Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2021. N 1. P. 97–105. (In Russ.)
16. Digital economy 2022: a brief statistical digest / G. I. Abdrakhmanova, S. A. Vasilkovsky K. O. Vishnevsky [et al.]; National Research University “Higher School of Economics”. Moscow : NRU HSE [NIU VSHE], 2022. [Electronic resource]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/552091260.pdf> (accessed: 15.08.2024). (In Russ.)
17. Shastitko A. E. Knowledge for Evidence-based Economic Policy: Supply and Demand // *Science Management: Theory and Practice [Upravlenie naukoj: teoriya i praktika]*. 2022. Vol. 4. N 2. P. 99–111. (In Russ.)
18. Blum S. and Pattyn V. How are evidence and policy conceptualized, and how do they connect? A qualitative systematic review of public policy literature, Evidence & Policy. 2022. Vol. 18(3). P. 563–582. (In Russ.) <https://doi.org/10.1332/174426421X16397411532296>
19. Ebrahim A. [et al.] Endoscopic submucosal dissection of a gastric mass. *Baylor University Medical Center Proceedings*. 2019. Vol. 32(4). P. 629–630. (In Russ.) <https://doi.org/10.1080/08998280.2019.1656006>

20. Gade C. When is it justified to claim that a practice or policy is evidence-based? Reflections on evidence and preferences // *Evidence & Policy*. 2023. Vol. XX(XX). P. 1–10. <https://doi.org/10.1332/174426421X16905606522863>
21. Tanskanen K. Towards evidence-based management of external resources: Developing design propositions and future research avenues through research synthesis // *Research Policy*. 2017. Vol. 46. N 6. P. 1087–1105.
22. Tiloka de S., Tenreyro S. Population control policies and fertility convergence. *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31(4). P. 205–228.

About the authors:

Alexandra Yu. Gubanova, Deputy Chairman for Information Development of the Research Committee “Sociology of Childhood”, Russian Society of Sociologists (Moscow, Russian Federation), Candidate of Sociological Sciences; alexandra.gubanova@gmail.com

Elena A. Kolosova, Associate Professor of Department of theory and history of sociology of Sociological faculty of Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation), Candidate of Sociological Sciences; the_shmiga@mail.ru

Anna Sofia V. Konyashkina, researcher of Department of Sociology, Psychology and Pedagogy of Children’s Reading of Russian State Children’s Library (Moscow, Russian Federation); konyashkina@rgdb.ru

Svetlana N. Mayorova-Scheglova, Professor of Department of Social Communication and Organization of Work with Youth of Faculty of Social Communication of Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Sociological Sciences), Professor; sheglova-s@yandex.ru